

2138 бр

НАРОДНАЯ ГЕРОИНЯ

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
1943

59

Цена 75 коп.

9

V.N. Karazin Kharkiv National University

00665865

2

1/ 9(c) 1941 "

2/ 3KCM/

3/ 32B 5754

4/ 92

Народная героиня

(СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ О ЗОЕ
КОСМОДЕМЬЯНСКОЙ)

Проверено
ЦНБ 1939

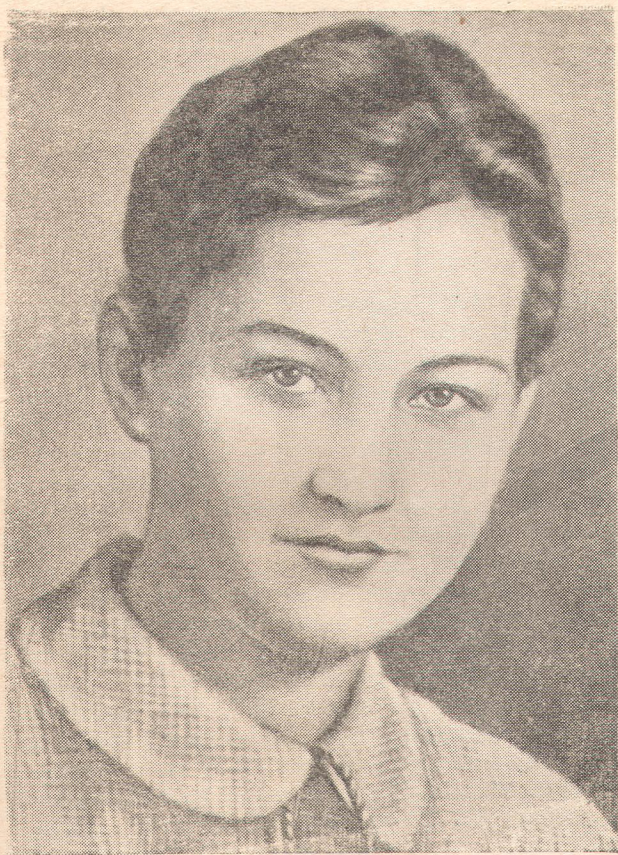
Центральна Наукова
БІБЛІОТЕКА ХДУ
Інв. № 2138/8р. ✓

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1943

145

12/12/12

215

Герой Советского Союза
Зоя Анатольевна Космодемьянская.

П. Лидов

ТАНЯ

В первых числах декабря 1941 года в Петрищеве, близ города Вереи, немцы казнили неизвестную девушку-партизанку.

Она тогда не назвала себя, и никто не знал, кто она и откуда родом. А незадолго до разыгравшейся в Петрищеве трагедии один из верейских партизан встретил эту девушку в лесу. Они вместе грелись в потаенной партизанской землянке, и девушка назвала себя Таней. Больше местные партизаны не встречали ее, но знали, что где-то здесь, неподалеку, заодно с ними действует отважная партизанка Таня.

Она из предосторожности скрыла свое настоящее имя. Лишь после ее смерти и после того, как Петрищево было освобождено от немцев, стало известно, кто эта девушка.

То была Зоя Анатольевна Космодемьянская, ученица 10-го класса школы № 201 Октябрьского района города Москвы.

Ей было восемнадцать лет. Она рано лишилась отца и жила с матерью Любовью Тимофеевной и братом Шуриком близ Тимирязевского парка, в доме № 7 по Александровскому проезду.

Высокая, стройная, широкоплечая, с живыми темными глазами и черными, коротко стриженными волосами — таким рисуют друзья ее внешний облик. Зоя была задумчива, впечатлительна, застенчива, и часто вдруг густой румянец заливал ее смуглое лицо.

За что бы она ни принималась, чего бы ни решила достигнуть, — во всем была необычайно трудолюбива, настойчива.

Когда ее избрали комсомольским группоргом в классе, она решила начать обучение малограмотных домохозяек. Учителями должны были быть школьники-комсомольцы. С каким упорством добивалась Зоя, чтобы это дело было доведено до конца! Ребята взялись сначала охотно, но ездить приходилось далеко, и многие быстро остыли. Зоя настаивала, чапоминала по несколько раз, требовала, журила ленящихся: она не могла понять, как можно отступить, бросить начатое, изменить своему слову и долгу...

Так же относилась она и к учебе. Перед уроками литературы читала книги (прочла их множество) и выписывала понравившиеся места. Математика давалась ей хуже, но терпеливо, часами сидела она над учебником алгебры, разбирая каждую формулу до тех пор, пока не усваивала ее окончательно.

А русскую литературу и русскую историю Зоя любила страстно. Мы можем судить теперь о мере этого увлечения, находя в ее тетрадках целые страницы из «Войны и мира», читая ее классные работы об Илье Муромце и Кутузове.

Что же влекло ее больше всего? Великое, героическое прошлое нашей страны, сила и

слава народа, образы высокой человеческой чистоты и морали, запечатленные в книгах Пушкина, Толстого, Белинского, Тургенева, Герцена, Некрасова. Ее воображение пленял трагический и жертвенный путь Чернышевского.

Вот выдержки из записной книжки Зои Космодемьянской:

«В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли. (Чехов.)»

«Быть коммунистом — значит дерзать, думать, хотеть, сметь. (Маяковский.)»

«Умри, но не давай поцелуя без любви. (Чернышевский.)»

«Ах, если бы латы и шлем мне достать,

Я стала б отчизну свою защищать...

Уж враг отступает пред нашим полком,

Какое блаженство быть храбрым бойцом!

(Гёте.)»

Быстрая запись карандашом:

«Какая любвеобильность и гуманность в «Детях солнца» Горького!»

И далее:

«В «Отелло» — борьба человека за высокие идеалы правды, моральной чистоты. Тема «Отелло» — победа настоящего, большого человеческого чувства!»

Настоящие, большие чувства, лучшие человеческие идеалы правды, моральной чистоты, самоотверженная борьба за свой народ, за его счастье, независимость и свободу — вот это и влекло к себе с неудержимой силой серьезную молодую девушку — комсомолку, советскую школьницу.

И мы знаем теперь из этих тетрадок, которымверяла свои помыслы Зоя, как нена-

видела она всякую ложь, трусость, моральную нечистоту, как стремилась к тому, чтобы не было у нее двух мер в жизни: одна «для мечты», другая «для действительности». О чем мечтала она, как о самом высшем счастье? О том, чтобы оказаться достойной великих борцов за народ, о том, чтобы, подобно им, послужить святому народному делу, о подвиге во славу своего народа.

Июнь 1941 года. Последние экзамены. Зоя переходит в десятый класс, а через несколько дней начинается война. Теперь можно осуществить то, к чему готовила себя, о чем передумала Зоя. Страстно, горячо выступает она на собрании комсомольской организации. Девушка уходит на строительство оборонительных укреплений. Как всегда, она отдает новому, необычному для нее делу всю себя. Работает сильно, по-мужски. Ее ставят в пример товарищам, юношам и девушкам, комсомольцам и некомсомольцам.

Враг наступает. Зоя хочет стать бойцом. Она идет добровольцем в истребительный отряд.

И вот она — в большой, показавшейся ей суровой комнате, перед столом, за которым сидит командир отряда. Командир долго и испытующе вглядывается в лицо девушки.

— Не боитесь?

— Нет, не боюсь.

— В лесу, ночью, одной?..

— Нет, ничего.

— А если к немцам попадетесь? Если пытать будут?

— Выдержу!..

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
Всесоюзный ленинский коммунистический
союз молодежи

КОМСОМОЛЬСКИЙ БИЛЕТ

№ 0236208 *

Фамилия *Космодемьянская*
Имя и отчество *Зоя Анатольевна*
Год рождения *1923 г.*

Время вступления в ВЛКСМ *октябрь 1938 г.*

Наименование организации,
выдавшей билет *Октябрьский*

г. Москва

г. Москва

Райкома

9 февраля 1939 года

Комсомольский билет Зои Космодемьянской.

Командир принял Зою в отряд. Вот они, латы и шлем бойца, которые грезились Зое!

17 ноября она послала матери последнее письмо: «Дорогая мама! Как ты сейчас живешь, как себя чувствуешь, не больна ли? Мама, если есть возможность, напиши хоть несколько строчек. Вернусь с задания, так приеду погостить домой. Твоя Зоя». А в свою книжечку занесла строку из «Гамлета»: «Прощай, прощай и помни обо мне».

На другой день у деревни Обухово, близ Наро-Фоминска, с группой комсомольцев-партизан Зоя перешла через линию фронта на занятую противником территорию.

Две недели они жили в лесах, ночью выполняли свое боевое задание, а днем грелись в лесу у костра и спали, сидя на снегу, прислонившись к стволу сосны.

Пищи было запасено на пять дней. Ее растянули на пятнадцать, и последние сухари уже подходили к концу. Иных утомили трудности похода, но Зоя ни разу не пожаловалась на лишения. Пора было возвращаться, но ей казалось, что сделано мало. Она решила остаться, проникнуть одна в Петрищево, занятое немцами. Она знала, что идет на очень трудное, очень опасное дело, может быть на смерть. Товарищи помнят, как она сказала: «Пусть я там погибну. Зато десяток немцев уничтожу».

То было в дни наибольшей опасности для Москвы. Враг вышел на рубеж канала Москва — Волга, захватил Яхрому, обстреливал Серпухов, вплотную подошел к Кашире и Зарайску. Дачные местности за Голицыным и

Сходней стали местами боев, а в Москве слышалась артиллерийская канонада.

Небольшая, окруженная лесом деревня Петрищево была битком набита немецкими войсками. Тут стояла кавалерийская часть. Сюда же был отведен на отдых батальон 332-го пехотного полка 197-й немецкой дивизии. В каждой избе разместили по десять-двадцать солдат. И те из колхозников, кто не успел уйти с Красной Армией и не скрылся в леса, те, обобранные до нитки, голодные, были выброшены в холодные сени, а то и прямо на мороз.

В эту деревню и направилась Зоя. В первую ночь ей удалось уничтожить несколько занятых немцами изб, конюшню немецкой воинской части и в ней семнадцать лошадей.

Попавший к нам унтер-офицер 10-й роты 332-го полка Карл Бауэрлейн в своих показаниях написал: «Это было на русском фронте в ноябре 1941 года. Поля и леса покрылись снегом. Наш батальон отошел в эту ночь в деревню Петрищево, лежащую в нескольких километрах от фронта. Мы были рады отдыху и вскоре ввалились в избу. В небольшом помещении было тесно. Русскую семью выставили на ночь на улицу. Только мы вздремнули, как стража подняла тревогу. Четыре избы вокруг нас пылали. Наша изба наполнилась солдатами, оставшимися без крова...»

Товарищи, комсомольцы-партизаны, ждали Зою в условленном месте, но она не возвратилась. Ее уже считали погибшей. Но она была жива и все еще считала, что сделала мало. Поэтому ушла из деревни, в которой немцы забили тревогу, и со свойственным ей упор-

ством выжидала удобного момента, чтобы вернуться. Где провела она два дня и две ночи в этом ожидании? Этого мы не знаем. Скованный ранними морозами, уже заметенный снегом лес не расскажет об этом. Но через два дня, когда стемнело, она снова пришла в деревню продолжать свое дело.

На этот раз Зоя пробралась к конюшне на краю села, в которой находилось свыше двухсот лошадей германской кавалерийской части. На Зое была шапка, меховая куртка, стеганные ватные штаны, сапоги, а через плечо — сумка. Подойдя к конюшне, она сунула за пазуху наган, который держала в руке, достала из сумки бутылку с бензином, полила из нее и потом нагнулась, чтобы чиркнуть спичкой.

В этот момент подкрался часовой и обхватил ее сзади руками. Зоя оттолкнула немца, выхватила револьвер, но выстрелить не успела. Солдат выбил у нее из рук оружие и поднял тревогу.

Зою ввели в крайний дом и тут разглядели, что это девушка. В избу набились фашисты и, как передает хозяйка дома Мария Седова, всё повторяли: «Фрау партизан, фрау партизан»¹. Здесь девушку раздели и били, а через двадцать минут босую, в одной сорочке и трусиках через все селение повели в дом Ворониных, где помещался штаб.

Там уже знали о поимке партизанки, и уже была предрешена ее судьба. Зою еще не приводили, а переводчик торжествующе объявил Ворониным, что завтра утром партизанку публично повесят.

¹ «Женщина-партизан».

И вот ввели Зою, указали на нары. Она села. Против нее на столе стояли телефоны, пишущая машинка, радиоприемник и были разложены штабные бумаги.

Стали сходитьсь офицеры. Хозяевам дома было велено выйти. Старуха замешкалась, и офицер прикрикнул: «Матка, фьють!» и подтолкнул ее в спину.

Командир 332-го пехотного полка 197-й дивизии подполковник Рюдерер сам допрашивал Зою.

Сидя на кухне, Воронины все же могли слышать, что происходит в комнате. Офицер задавал вопросы, и Зоя (тут она и назвалась Таней) отвечала на них без запинки, громко и дерзко.

- Кто вы? — спросил подполковник.
- Не скажу.
- Это вы подожгли вчера конюшню?
- Да, я.
- Ваша цель?
- Уничтожить вас.

Пауза.

- Когда вы перешли через линию фронта?
- В пятницу.
- Вы слишком быстро дошли.
- Что ж, зевать, что ли?

Зою спрашивали о том, кто послал ее и кто был с нею. Требовали, чтоб выдала своих друзей. Через дверь доносились ответы: «нет», «не знаю», «не скажу», «нет». Потом в воздухе засвистели ремни, и слышно было, как стегали по телу. Через несколько минут молодой офицерик выскочил из комнаты в кухню, уткнул голову в ладони и просидел так

до конца допроса, зажмутив глаза и заткнув уши. Не выдержали даже нервы фашиста...

Четверо дюжих мужчин, сняв пояса, избивали девушку. Хозяева дома насчитали двести ударов, но Зоя не издала ни одного звука. А после опять отвечала: «нет», «не скажу», только голос ее звучал глуше, чем прежде.

Как то Зоя написала в своей школьной тетради об Илье Муромце: «Когда его одолевает злой нахвальщик, то сама земля русская вливает в него силы». В те роковые минуты словно сама родная, советская земля дала Зое могучую, недевичью силу. Эту дивную силу с изумлением вынужден был признать даже враг.

Унтер-офицер Карл Бауэрлейн присутствовал при пытках, которым подверг Зою Космодемьянскую подполковник Рюдерер. В своих показаниях он написал:

«Маленькая героиня вашего народа осталась тверда. Она не знала, что такое предательство... Она посинела от мороза, раны ее кровоточили, но она не сказала ничего».

Два часа провела Зоя в избе Ворониных. После допроса ее повели в избу Василия Кулика. Она шла под конвоем, попрежнему раздетая, ступая по снегу босыми ногами.

Когда ее вводили в избу Кулика, на лбу у нее было большое иссиня-черное пятно и ссадины на ногах и руках. Она тяжело дышала, волосы ее растрепались, и черные пряди слились на высоком, покрытом каплями пота лбу. Руки девушки были связаны сзади веревкой, губы искусаны в кровь и вздулись. Наверно, кусала их, когда пытками хотели вырвать признание.

Она села на лавку. Немецкий часовой стоял у двери. Сидела спокойно и неподвижно, потом попросила пить. Василий Кулик подошел было к кадушке с водой, но часовой опередил его, схватил со стола лампу и поднес Зое ко рту. Он хотел этим сказать, что напоить надо керосином, а не водой.

Кулик стал просить за девушку. Часовой огрызнулся, но потом нехотя уступил и разрешил подать Зое напиток. Она жадно выпила две большие кружки.

Солдаты, жившие в избе, окружили девушку и громко потешались. Одни шпыняли кулаками, другие подносили к подбородку зажженные спички, а кто-то провел по ее спине пилой.

Вдосталь натешившись, солдаты ушли спать. Тогда часовой вскинул винтовку наизготовку и велел Зое подняться и выйти из дома. Шел по улице сзади, почти вплотную приставив штык к ее спине. Потом крикнул: «Цүрюк!»¹ и повел девушку в обратную сторону. Босая, в одном белье ходила она по снегу до тех пор, пока мучитель сам не продрог и не решил, что пора вернуться под теплый кров.

Этот часовой караулил Зою с десяти вечера до двух часов ночи и через каждый час выводил ее на улицу на пятнадцать-двадцать минут. Мы не знаем, каким еще надругательствам и мучениям была подвергнута Зоя во время этих страшных ночных прогулок...

Наконец на пост встал новый часовой. Несчастной разрешили прилечь на лавку.

¹ «Назад!»

Улучив минуту, Прасковья Кулик заговорила с Зоей.

— Ты чья будешь? — спросила она.

— А вам зачем это?

— Сама-то откуда?

— Я из Москвы.

— Родители есть?

Девушка не ответила.

Она пролежала до утра без движения, ничего не сказав более и даже не застонав, хотя ноги ее были отморожены и, видимо, сильно болели.

Поутру солдаты начали строить посреди деревни виселицу.

Прасковья снова заговорила с девушкой:

— Позавчера — это ты была?

— Я... Немцы сгорели?

— Нет.

— Жаль. А что сгорело?

— Кони ихние сгорели. Сказывают — оружие сгорело...

В десять часов утра пришли офицеры. Один из них снова спросил Зою:

— Скажите, кто вы?

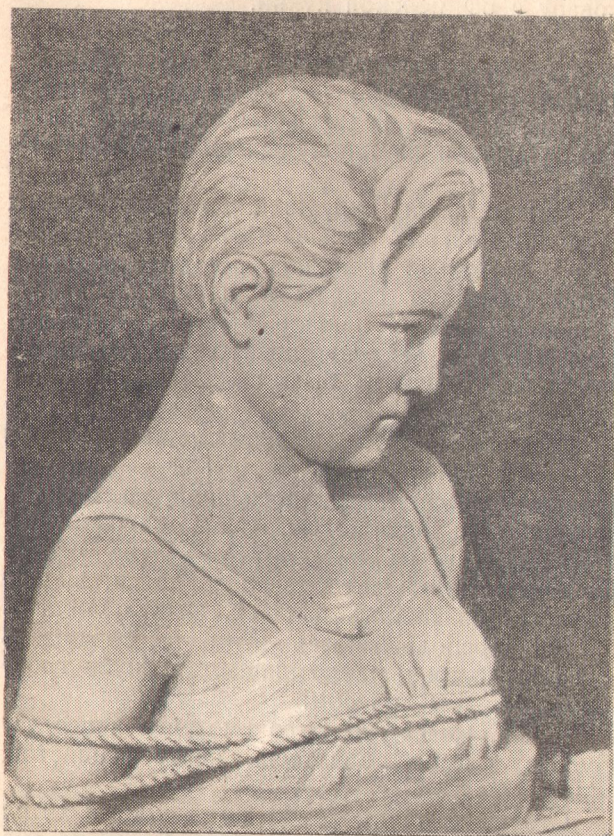
Зоя не ответила.

— Скажите, где находится Сталин?

— Сталин находится на своем посту, — ответила Зоя.

Продолжение допроса хозяева дома не слышали: их выбросили из дому и впустили обратно, когда допрос уже был окончен.

Принесли Зоины вещи: кофточку, брюки, чулки. Тут же был ее вещевой мешок, и в нем — сахар, спички и соль. Шапка, меховая куртка, пуховая вязаная фуфайка и сапоги исчезли. Их успели поделить между собой

Зоя Космодемьянская.

Скульптура З. Ракитиной.

2—1866

унтер-офицеры, а рукавицы достались рыжему повару с офицерской кухни.

Зою одели, и хозяева помогали ей натягивать чулки на почерневшие ноги. На грудь повесили отобранные у нее бутылки с бензином и доску с надписью: «Поджигатель». Так и вывели на площадь, где стояла виселица.

Место казни окружали десятеро конных с саблями наголо, больше сотни немецких солдат и несколько офицеров. Местным жителям было приказано собраться и присутствовать при казни, но их пришло немного, а некоторые, придя и постояв, потихоньку разошлись по домам, чтобы не быть свидетелями страшного зрелища.

Под спущенной с перекладины петлей были поставлены один на другой два ящика. Девушку приподняли, поставили на ящик и накинули на шею петлю. Один из офицеров стал наводить на виселицу объектив своего «кодака». Комендант сделал солдатам, выполнявшим обязанность палачей, знак обождать.

Зоя воспользовалась этим и, обращаясь к колхозникам и колхозницам, крикнула громким и чистым голосом:

— Эй, товарищи! Чего смотрите невесело? Будьте смелее, боритесь, бейте фашистов, жгите, травите!

Стоявший рядом немец замахнулся и хотел то ли ударить ее, то ли зажать ей рот, но она оттолкнула его руку и продолжала:

— Мне не страшно умирать, товарищи. Это счастье — умереть за свой народ.

Фотограф снял виселицу издали и вблизи и теперь пристраивался, чтобы сфотографиро-

вать ее сбоку. Палачи беспокойно поглядывали на коменданта, и тот крикнул фотографу:

— Абер дох шнеллер!¹

Тогда Зоя повернулась в сторону коменданта и крикнула ему и немецким солдагам:

— Вы меня сейчас повесите, но я не одна. Нас двести миллионов, всех не перевешаете. Вам отомстят за меня. Солдаты! Пока не поздно, сдавайтесь в плен: все равно победа будет за нами!

Палач подтянул веревку, и петля сдавила Зоино горло. Но она обеими руками раздвинула петлю, приподнялась на носках и крикнула, напрягая все силы:

— Прощайте, товарищи! Боритесь, не бойтесь. С нами Сталин! Сталин придет!..

Палач уперся кованым башмаком в ящик, который заскрипел по скользкому, утопанному снегу. Верхний ящик свалился вниз и гулко стукнулся оземь. Толпа отшатнулась. Раздался и замер чей-то вопль, и эхо повторило его на опушке леса...

Площадь быстро опустела. В тот день никто из жителей деревни не выходил больше на улицу без крайней необходимости. А те, кому нужно было пройти мимо виселицы, низко опускали голову и убыстряли шаг.

Целый месяц провисело тело Зои, раскачиваемое ветром и осыпаемое снегом. Когда через деревню проходили фашистские части, тупые фрицы окружали эшафот и долго развлекались, тыча в тело палками и раскатистого гогоча. Потом шли дальше, и через несколько километров их ждало новое развлечение:

¹ — Скорее же!

возле участковой больницы висели трупы двух повешенных немцами мальчиков.

Так шагали они по земле, утыканной виселицами, залитой кровью и вопиющей о мщении.

В ночь под Новый год перепившиеся фашисты окружили виселицу, стащили с повешенной одежду и гнусно надругались над телом Зои. Оно висело посреди деревни еще день, исколотое и изрезанное кинжалами, а вечером 1 января переводчик распорядился спилить виселицу. Староста кликнул людей, и они выдолбили в мерзлой земле яму в стороне от деревни.

Здесь, на отшибе, стояло здание начальной школы. Немцы разорили его, парты сожгли в печке, содрали полы. Между этой растерзанной школой и опушкой леса, среди редких кустов была приготовлена могила.

Тело Зои привезли на дровнях, с обрывком веревки на шее, и положили на снег. Лицо ее, лицо красивой русской девушки, сохранило еще какую-то свежесть и чистоту.

— Надо бы обернуть чем-нибудь, — сказал один из рывших могилу крестьян.

— Еще чего! — прогнусавил переводчик. — Почести ей отдавать вздумал?

Недолго еще враги поганили землю, где была похоронена Зоя.

Красная Армия наступала. Немцы бежали из Петрищева в сторону Дорохова.

Дойдя до соседней деревни Грибцово, немцы подожгли ее. Грибцово сгорело все целиком. Погорельцы потянулись в Петрищево искать приюта. И из других окрестных деревень, сожженных фашистами, тянулись сюда

обездоленные семьи, волоча за собой на салазках закутанных и плачущих детей и остатки домашнего скарба.

Лишь на другой день отступившие немцы вспомнили, что Петрищево-то они и не подожгли. Из Грибцова был послан отряд в двадцать четыре человека. Этим людям приказали вернуться и сжечь Петрищево. Но двадцать четыре поджигателя были перепуганы. Им казалось, что красноармейцы вот-вот покажутся у околицы Петрищева. И они, побоявшись возиться с поджогом, рысцой пробежали по деревне, переколотили палками все окна в домах и скорее понеслись вдогонку за своей частью.

Так уцелела деревня Петрищево. И в ней остались свидетели страшной расправы гитлеровцев со славной партизанкой Зоей Космодемьянской, сохранились места, связанные с ее героическим подвигом, сохранилась и святая для русских людей могила, где покоится прах Зои.

Проклятый враг покатился назад — долой с нашей земли. Войска генерала Леонида Говорова первыми быстро прошли через Петрищево, преследуя отступавших к Можайску фашистов.

И все бойцы советских армий, которым случится еще побывать в Петрищеве, направляясь на запад, чтобы довершить разгром гитлеровских орд, снимут шапки и до земли поклонятся маленькому могильному холмику.

И скажет бойцу командир:

— Друг! Целясь в фашистов, вспомни Зою. Пусть пуля твоя полетит без промаха и уго-

мстит за нее. Идя в атаку, вспомни Зою. Распори фашистское брюхо своим штыком — за Зою! Расколи фашистский череп своим прикладом — за Зою! Не знай жалости, как не знали ее они!

И бойцы поклянутся над могилой страшною клятвой. Они пойдут в бой, и с каждым в сердце его пойдет в бой Зоя.

И немеркнущая слава разнесется о ней по всей советской земле, и миллионы людей будут с любовью думать о далекой заснеженной могиле, и Сталин мысленно придет к надгробью своей верной дочери.

Александр Довженко

СМОТРИТЕ, ЛЮДИ!

Недавно в сумке немецкого мертвеца обнаружены пять фотографий, которым суждено пережить столетия. Пять фотографий, как пять дактилоскопических автоснимков преступников-любителей, как пять грозных статей приговора над подонками человечества, останутся в истории, как трагические шрамы эпохи, как дорогие знаки вечной славы девушки нашей страны.

Смотрите, люди! Это Зоя Космодемьянская. Смотрите, девушки, войны, дети, смотрите, господа международные политики! Вот она идет на смерть, бессмертная среди немецких мертвецов.

Холодно Зое. Опухшие от мороза и побоев руки ее сжаты в кулаки, как у бойца; босые, в одних лишь чулках, ноги почернели за страшную ночь от мороза. Опухли искусанные

в кровь губы: двести ударов немецких ремней всю ночь выбивали признания из нежных девичьих уст и не выбили. Не закричала, не заплакала, не застонала. Все, что могло обрушить на девушку тупое немецкое насилие, аморальность, жестокость и бессильную ненависть к русскому народу, — все перенесла молодая русская душа. Волосы мокры, смотрите, от величайшего напряжения всех страстей гневного сердца, и кажется, кровавый пар подымается ввысь от прекрасной головы.

— Да, я ненавижу вас, немецкие палачи, всей моей ненавистью, помноженной на ненависть моего народа! — говорит вся ее напряженная девичья фигура.

Пусть я погибла. Пусть петля, которую вы принесли на мою русскую землю, оборвет мою жизнь, пусть я умру битая, замученная вами, пусть не познала я, не успевшая еще вырасти, жизненных утех и радостей, не родившая народу моему детей, пусть погибну я неосуществленной матерью, — я победила вас. Терпка моя чаша, но несокрушима моя воля. Я русская комсомолка, понимаете ли вы? Не прикасайтесь ко мне, глупые, убогие палачи! Я сама взойду на эшафот с вашим плакатом на груди и с бутылками бензина, которыми я хотела вас сжечь.

Вы били меня перед смертью, вы отморозили мне ноги, вы глумились надо мною. Теперь сфотографируйте меня в своем подлсм окружении. Пусть увидит мир, как ничтожны и глупы вы, пусть художники всматриваются в преступные ваши улыбки, в опущенные ваши глаза и тупые ваши немецкие обличья, чтоб

научиться изображать на картинах палачей и убийц.

Пусть предстану я — повешенная среди вас — перед честным миром, чтоб видели меня вся русская земля, весь родной мой Советский Союз, весь мир, чтоб вздымался он ненавистью к вам, глядя на мою сломанную девичью шею, чтоб священное пламя ненависти к вам пылало в сердцах сестер моих во всем мире!

Когда отделилась она от земли и мертвая застыла на морозе, когда, склонивши набок молодую свою голову, она, наша родная Зоя, притихла, — только тогда, очевидно, покинул ее гнев. Он ушел от нее вместе с последним вздохом, чтобы развеяться по всему обездоленному миру, понестись ветрами к сестрам своим на Украину, в Белоруссию, Польшу, на Балканы, в Югославию, в Чехию — по всем славянским землям.

— Посмотрите, что со мной сделали! Нет, вы только посмотрите, люди!

Руки ее повисли вдоль стройного, как у мальчика, тела, и ноги застыли навеки, носочками внутрь. И только тогда, кажется, посмел палач-фотограф подойти к ней поближе и запечатлеть еще на одной фотографии злодеяние своего подлого гитлеровского государства.

Что точно сказала Зоя на эшафоте? Какими словами презрения и гнева заклеимила убийц, погубивших молодую жизнь ее и многих тысяч ее родных сестер? Какие слова пламенной веры в победу, в отмщение, в жизнь и честь великой нашей отчизны выкрикнула она наспех, когда немецкая петля уже

стягивала ее красивую шею, когда ускользали из-под ног подмости и родное русское село поплыло перед глазами, — мы не знаем. И, может быть, пораженные ужасом, согнанные к месту убийства невольные свидетели злодеяния не могут поручиться за точность ее слов, но мы, современники грозной эпохи, знаем, что нашедшая в смерти бессмертие Зоя сказала живым и грядущим самые дорогие наши слова:

— Да здравствует Родина, да здравствует верность, бесстрашие и победа! Да здравствует Сталин!

И ни один ни поэт, ни историк не ошибется, когда припишет Зое в высокую вдохновенную минуту творчества самые великие и чистые слова.

Напишутся книги, пропоются возвышенные стихи, родятся картины, и слава Зои перейдет в века из рода в род для вдохновения чистой нашей юности, которой всегда цвела и будет процветать наша земля.

Пусть сгинут немецкие палачи!

Пусть сгинет фашистская тьма!

П. Лидов

ПЯТЬ НЕМЕЦКИХ ФОТОГРАФИЙ

Фотографические снимки, которые помещены здесь, найдены у офицера германской армии, убитого советским бойцом под деревней Потапово, близ Смоленска. На них запечатлены минуты убийства Зои Анатольевны Космодемьянской («Тани»). Немцы ее убили в полдень 29 ноября 1941 года.

Это имя широко известно среди свободолюбивых народов мира. В нем особенно ярко отразились черты героического молодого поколения советского народа, поколения, воспитанного великим Сталиным. Вряд ли в Советской стране есть теперь человек, который не хранит в своей памяти мученический образ Зои. И у всякого, кто взглянет на эти снимки, всплывут перед глазами зима 1941 года, первый снег, облетевшие леса Подмоскovie и враг у ворот Москвы — сердца родины.

Два года прошло с тех пор. Путь, пройденный Зоей от классной скамьи до эшафота в Петрищеве, постепенно восстанавливался по дням и часам; стали известны новые, неоспоримые обстоятельства, связанные с ее подвигом и гибелью. Лучезарный образ Героя Советского Союза Зои Анатольевны Космодемьянской рисуется нам теперь еще более кристальным и героическим, еще более поэтическим и возвышенным. Образ Зои Космодемьянской останется в народной памяти, как один из самых пленительных и любимых образов героев Великой отечественной войны, ибо в нем воплощено все лучшее, что отличает советское юношество.

Публикуемые пять немецких снимков, показывающих различные моменты подлого убийства Зои Космодемьянской, — документ исключительного значения. Они полностью подтверждают обстоятельства фашистского злодеяния, описанные в нашей печати еще в январе—феврале 1942 года и отображенные в известной картине художников Кукрыниксы «Таня». Гит-

леровский прохвост, с садистским наслаждением снимавший все детали убийства Зои, запечатлел омерзительный, звериный облик банды немецко-фашистских палачей.

Гитлеровцы не только пытаются и вешают советских людей, отстаивающих от оккупантов свою свободу и независимость, — они превращают расправу над беззащитной жертвой в зрелище и смакуют каждый ее момент.

Никто, кроме немцев, не мог сделать подобных снимков.

Пусть же весь цивилизованный мир, увидев эти снимки, еще больше возненавидит проклятых гитлеровских вырождаков, этот чудовищный позор человечества!

Раннее утро зимнего дня. Улица в Петрищеве пуста. Солдаты еще только обходят дворы, сгоняя жителей к месту убийства русской девушки. Истерзанную пытками юную героиню, забывшуюся на зорьке, еще только подняли с лавки, и петрищевская колхозница Прасковья Кулик осторожно натягивает чулки на ее вздувшиеся и посиневшие ноги. А лейтенант с «кодаком» уже тут как тут и деловито запечатлевает на пленке только что поставленную виселицу. Этот снимок, очевидно, был им задуман, как наглядное пособие для строителей гнусного гитлеровского «нового порядка», которым предстояло еще немало потрудиться в области пыток и убийств.

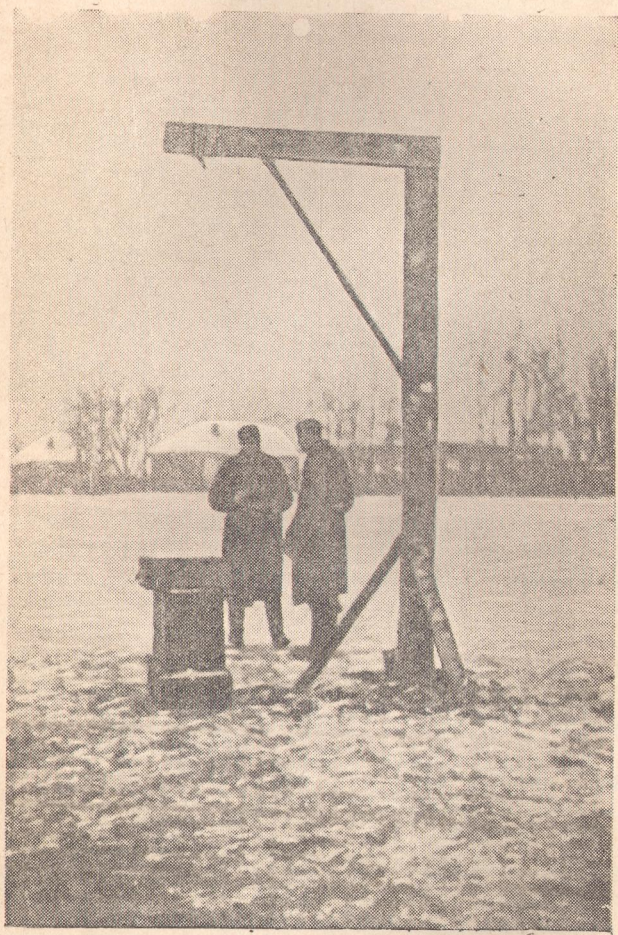
И вот ее выводят. На шею повешена доска с надписью: «Поджигатель». Она переступает с трудом. Каждый шаг причиняет ей страдания. Кулаки ее сжаты. Ее лицо нельзя описать словами. Когда художник напишет ее такую, какой она шла на смерть, и картину выставят

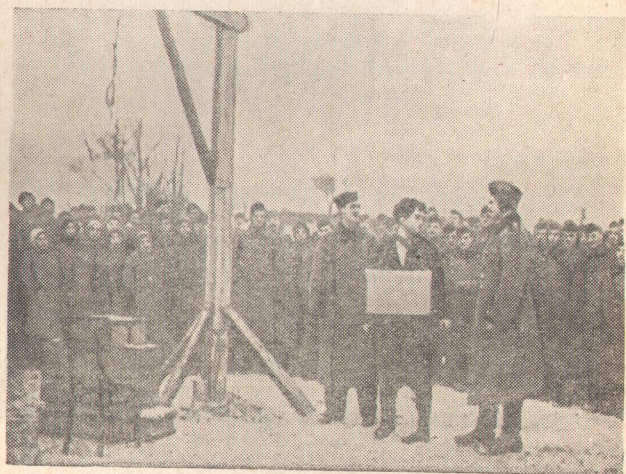
в галлерею, на нее будут глядеть часами, не стрывая глаз от этого лица, исполненного величия духа. Она не замечала ни толпы дикарей в зеленых мундирах, ни идущих по бокам ее палачей с плотоядно поджатыми губами, ни пятящегося задом подлеца с «кодаком». Где была она в эту минуту? Обнимала ли мысленно любимую мать? Рапортовала ли своему командиру? Или прощалась со Сталиным в Кремле?

Ее подводят к виселице и надевают на нее сумку и противогаз, как доказательство ее виновности. Гитлеровцы тесным кольцом окружают место, где сейчас должно произойти убийство. Сколько мерзких, тупых и зверских рож глядит из всех этих наушников, подшлемников, шарфов! Вот этот дегенерат. Не он ли водил Зою босиком по снегу? Не тот ли долговязый павиан провел пилой по ее спине? И не это ли усатое мурло поднесло лампу к ее подбородку? Впрочем, не все ли равно? Они все виновны, и для всех них придет грозный час возмездия.

Смотрите! Зоя оборачивается к ним и говорит. Палачи растерянно опустили руки и топчутся на месте, а она, откинув прядь со лба, глядит властно, гордо, величаво, — не как смертник, а как грозный судья, как совесть великого народа: «Вы меня сейчас повесите, но я не одна. Нас двести миллионов, всех не перевешаете!»

Болван-фотограф щелкает затвором камеры: он ничего не понимает в происходящем. Иначе бы он не увековечил картины, которая может служить символом безмерного позора Германии. Он был не только

сацист, но и кретин. Он сохранил для нас ярчайшее свидетельство победы величия духа советского народа над немецко-фашистским зверем.

Снимок номер четыре. Страшный снимок. Сейчас жизнь отлетит от Зси. Она сопротивляется палачу, затягивающему удавку на ее горле. Она делает последнее усилие, чтобы на мгновение отсрочить развязку и крикнуть всем нам: «Прощайте, товарищи! С нами Сталин! Сталин придет!..»

А напротив немецкий дикарь нагнулся, чтобы не прозевать: со сладострастной улыбкой ловит он мгновение ее последней судороги.

...Смерть смежила ее ясные очи. Она мертва, но лик ее спокоен и светел. Она, как живая. Она, как святая.

Вот такую же прекрасной увидели мы ее два месяца спустя и отерли иней с ее высокого безмятежного чела. Но только замерзшее тело ее носило уже тогда следы новых, отвратительных посмертных надругательств пьяных фашистских скотов...

Нет, никому из них не уйти от расплаты. Это не угроза, это уже реальность. Кольцо сжимается вокруг убийц Зои Космодемьянской.

Все улики в наших руках. Петрищево освобождено. Известен стоявший в чем полк, который сотворил гнусное дело. Он носит номер 332 и принадлежит к 197-й пехотной дивизии. Известно, где этот полк сейчас. Приговор вынесен, началась расплата.

Первым попался унтер-офицер Карл Бауэрлейн из 10-й роты. Он все видел, он тоже

скалил зубы из толпы зрителей, когда умирала юная русская героиня, он сам во всем признался.

Вторым получил пулю лейтенант, стрелявший в Зою из «кодака» и как трофей носивший серию палаческих карточек.

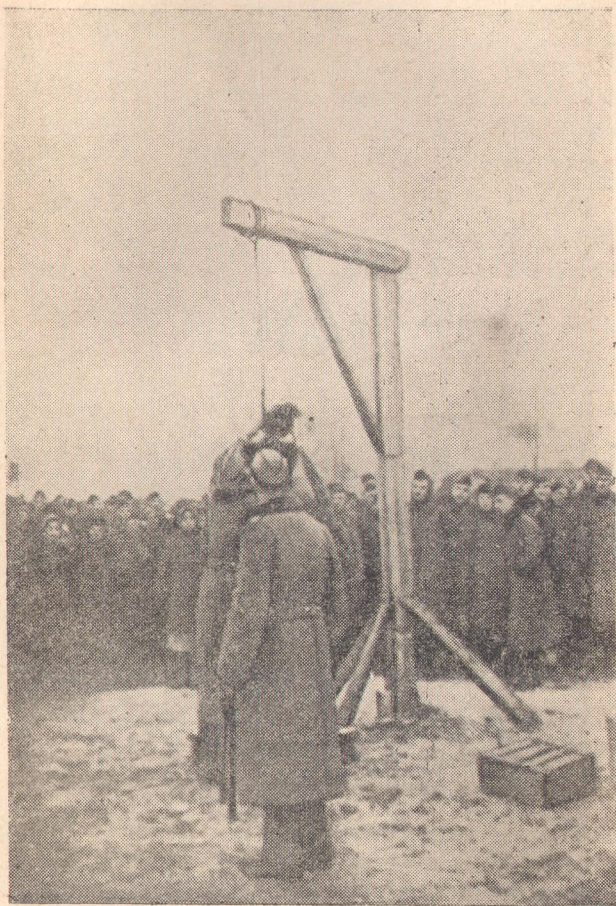
Нигде не спрячется от страшной мести допрашивавший Зою подполковник Рюдерер. Подполковник — не иголка, укрыть его не просто. Настанет и его черед дать свои показания, провести последнюю ночь перед казнью и ощутить подбородком веревку.

Физиономия палача, хладнокровно вдевавшего в петлю Зоину головку, — перед нами. Он изображен здесь в анфас, в профиль и в три четверти. Большого не требуется, чтобы найти преступника. И если он уцелеет на войне, то не будет на земном шаре такого самого отдаленного острова, где он мог бы остаться неопознанным.

Хихикавших, ухмылявшихся, окружавших эшафот и приподнимавшихся на цыпочки, чтобы видеть мучения нашей Зои, — всех настигнет священная кара!

То, что мы имеем возможность продемонстрировать сегодня эти обличительные документы, не является делом случая или удачи. Такова логика вещей, таково неотвратимое течение событий. Это должно было случиться — немного раньше или немного позже. Дело идет к расплате, и от нее гитлеровцам никуда не уйти.

Петрищевское злодеяние фашистов раскрыто до конца, как бы ни хотелось гитлеровцам скрыть его. Так же будет распутан чудовищный клубок преступлений гитлеров-

ской клики и всех причастных к ним немцев. Все тайное становится явным. Мы знаем, кто громоздил многотысячные могильники в Краснодаре, Ставрополе, Харькове, Киеве, Ворошиловграде. Мы знаем, кто медленной смертью умерщвлял украинских девушек в Бремене, Мюнхене, Кельне. Мы знаем, кто вывозил фонтаны из Петергофа и кто на каких заводах строил душегубки в Берлине.

Расплата идет, и залпы мести раздаются уже по ту сторону Днепра. Они прогремят еще и в самой Германии.

Боец и офицер! Сохрани эти снимки. Быть может, тебе придется встретиться с палачами. А не встретишь этих — убей других: все фашистские изверги достойны кары. Убей их столько, сколько ты их насчитаешь вокруг этой виселицы. Убей их десять раз столько — во имя нашей Зои, во имя счастья на земле.

СЛОВО МАТЕРИ

(Выступление по радио Л. Т. Космодемьянской
18 февраля 1942 года)

Дорогие товарищи!

Я хочу вам, сверстникам, друзьям, подругам моей Зои, сказать несколько слов. Я хочу попросить вас, родные, от всего материнского сердца: отомстите подлому фашистскому зверю, отомстите немецким палачам за смерть моей дочки!

Товарищи! Говорить о Зое мне невыносимо тяжело. Вы сами это понимаете. Ведь я поте-

ряла самого близкого, дорогого мне человека. Я выходила, вырастила ее... Пусть ни одного из вас, когда он в будущем станет матерью или отцом, не постигнет такое страшное горе.

Но все-таки я должна сказать о Зое. Я должна сказать вам всем, всей нашей молодежи: я горжусь своей дочерью! И Зое моей — вот тут, перед вами, хочется мне сказать, хоть она и не услышит меня: горжусь тобой, моя девочка!

Товарищи! У Зои была светлая голова и горячее, чистое, мужественное сердце. У нее было сердце борца, товарищи! Мы с Зоей жили душа в душу. Мы были не только мать и дочь, а друзья. Делились своими горестями и радостями. Я знала, как Зоя относится к жизни, к родине, к комсомолу. Тепло и спокойно мне было с моей девочкой. Чуть пригорюнишься, она подойдет, заглянет в лицо, встряхнет:

— Мама, ты что? Брось, мама! Все это пройдет.

Удивительно бодрый и цельный была она человек. Я старше ее, опытнее, а она помогала мне переносить мужественно неудачи или трудности...

Товарищи! Зоя мне сказала, что уезжает на фронт. «Мама, — сказала мне Зоя, — я уйду на фронт к партизанам. Тебе я могу об этом сказать. Ты пойми, мама, у меня нет сил стоять в стороне, когда фашисты лезут на Москву...»

Я должна признаться — у меня на глаза набежали слезы. Все это было так неожиданно для меня. И мне как-то трудно было сразу

представить себе, что единственная дочка моя, молоденькая такая, уходит на войну...

Зоя заметила мое волнение и сказала — вот точно ее слова: «Ты что плачешь, мама? Не ты ли мне говорила, что я должна быть смелой и честной?! Мама, я горжусь тем, что буду бороться с фашистами, и ты гордись, что я уйду на фронт. Со слезами меня провожать не надо».

И я проглотила слезы. Я взглянула на дочку, и мне даже совестно стало перед ней — такая она была радостная, приподнятая, праздничная... В этот вечер мы с Зоей особенно хорошо поговорили.

Зоя разрешила мне проводить ее до трамвайной остановки. Шла она с маленьким походным мешком. Сама я и мешок этот ей купила...

У трамвайной остановки мы попрощались. Зоя сказала мне. Вот как сейчас я слышу ее гордый и радостный голос:

— Приду героем или умру героем. Ты, мама, не унывай. — И улыбнулась. Больше я ее так и не увидела.

Товарищи! Сердце мое тяжело ранено, и время не залечит эту рану. Но я горжусь, что дочка моя смело пошла на великое дело и осталась сильной, честной, гордой до последнего своего дыхания. Зоя встретила смерть, как настоящий человек, борец, коммунист.

Товарищи! Меня радует одно: Зою никогда не забудут. В моем-то материнском сердце она будет жить, пока сердце бьется. Но она будет жить в ваших сердцах и тогда, когда меня не будет. Ее вспомнят добрым словом и ваши дети... Я ехала в трамвае в

тот день, когда была напечатана в «Правде» статья «Таня». Газету я не читала, но слышу: все говорят: «Таня», «Таня», и рассказывают о подвиге девушки, об исключительной силе воли. Мне тогда и в голову не пришло, что Таня это и есть родная моя Зоя... Только я разволновалась, вспомнила Зою: как там она на фронте? И подумала: если придется ей, девочке моей, встретиться лицом к лицу с опасностью, хоть бы она была так же сильна, как эта чудесная Таня.

А потом оказалось, что Таня это и есть моя Зоя...

Товарищи! Пусть будут прокляты эти фашистско-немецкие кровососы, душегубы! Пусть их матерям, их дочерям приснится страшная казнь моей Зои! Кровавые палачи получают по заслугам! Я знаю это. Фашизм будет истреблен раз и навсегда. Я знаю это, товарищи! Но я прошу вас, как мать, потерявшая любимое дитя: отомстите скорее и за мою Зою!

Отомсти, молодежь, немецким зверям, которые мучили, терзали мою дочку!

Я прошу вас об этом. И я повторяю вслед за незабвенной своей Зоей:

— Будьте смелее! Боритесь, бейте немцев! Смерть фашистским палачам! Смерть им!

МЫ ОТОМСТИМ ЗА ТЕБЯ, ЗОЯ!

МАТЕРИ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
ЗОИ АНАТОЛЬЕВНЫ КОСМОДЕМЬЯНСКОЙ
Л. Т. КОСМОДЕМЬЯНСКОЙ

Дорогая и любимая маты! (Разрешите Вас так называть.) Мы прочитали Ваши слова: «Отомстите подлому фашистскому зверю, отомстите немецким палачам за смерть моей дочки!» Эти слова влили в нас новую силу и жажду мести к немецким захватчикам. Еще раньше, когда мы прочитали очерк «Таня», напечатанный в «Правде», мы дали клятву отомстить за нашу родную Таню. Теперь мы узнали ее настоящее имя. В феврале мы огнем своих пушек уничтожили два немецких воздушных стервятника и одного подбили; в марте мы этот счет утроим.

Каждый раз, вступая в битву с врагом, мы будем бить его с именем Зои на устах. Будем уничтожать врага и приговаривать: «Это вам, гады, за смерть нашей Зои, за горе нашей матери».

Мы уверены, что мстить за Зою будем не только мы, а за нее будет мстить весь наш великий советский народ. Мы практически

¹ Письма печатаются с сохранением стиля их авторов.

делом напомним фашистским палачам слова нашего великого предка Александра Невского: «Кто с мечом к нам войдет, от меча и погибнет».

По поручению бойцов и командиров подписали:

Военком ст. политрук Гусев, отсекр бюро ВЛКСМ Греков, Тимофеев и другие.

ДОРОГАЯ ЛЮБОВЬ ТИМОФЕЕВНА!

Вам пишет незнакомая девушка, молодая учительница.

Сегодня я прочла в «Комсомольской правде», что партизанка Таня — это ученица 10-го класса, Ваша дочь Зоя Космодемьянская.

Милая Любовь Тимофеевна, мне хочется крепко, крепко поцеловать Вас за то, что Вы вырастили такую замечательную девушку, преданную родине, своему народу.

Я знаю, что Вам очень тяжело, у Вас нет Зои, но, Любовь Тимофеевна, мы, комсомольцы, любим Вас так же, как любила Вас Зоя. Я люблю Вас так же, как люблю свою маму. Вот я пишу вам письмо, передо мной лежит газета с портретом Зои. На меня смотрят ее умные глаза, и я как будто слышу ее голос, призывающий к борьбе с ненавистным врагом.

Мы далеко от фронта. Мы не испытали всех ужасов, которые несет фашизм, Гитлер и его свора. Но мы ждем, когда эти гады получат по заслугам, когда им отомстят за смерть Александра Чекалина, за смерть Зои, за кровь невинных детей, за сожженные села и разрушенные города.

Я работаю в школе, воспитываю детей.

Передо мной всегда будет стоять образ Вашей дочери. В трудных случаях жизни я буду спрашивать себя: «А как бы поступила Зоя?» — и буду делать так, как сделала бы она. Я буду воспитывать своих школьников так, чтобы они походили на Зою.

И если у меня когда-нибудь будет сын или дочь, я научу их любить нашу Зою, научу их чтить ее память, научу их поступать так, как поступала она.

Крепко, крепко Вас целую

З о я Ф у р м а н о в а.

Башкирия, Благовещенский завод.

ЗДРАВСТВУЙТЕ, ДОРОГАЯ МАТЫ!

Мы, командиры, политработники и бойцы части полковника товарища Горпищенко, с глубокой скорбью узнали о гибели замечательной девушки-комсомолки сталинской эпохи, партизанки, Вашей дочери Зои.

Мы никогда не забудем имени героини Отечественной войны. Еще беспощаднее будем бороться и истреблять кровавых псов фашизма, не щадя своей жизни за скорейшее освобождение нашей любимой родины. Мы гордимся ее подвигом, мужеством. Она без страха смотрела смерти в глаза. Фашистско-немецкие душегубы замучили нашу Зою, но мы клянемся над ее прахом, что отомстим за издевательство, за убийство Зои, за слезы невинных людей, за кровь, пролитую, за плач осиротевших детей, за героев, отдавших свою жизнь за свободу отечества.

Час расплаты уже настал. Ее предсмертные

слова зовут нас вперед на врага. Ее героическая борьба и смерть призывают нас быть такими же стойкими в борьбе с врагом, какой была Герой Советского Союза Зоя Космодемьянская. Ваша дочь Зоя стала образцом мужества, храбрости и героизма для нас, бойцов Красной Армии и Военно-Морского Флота.

Мы с болью в сердце разделяем Вашу горе о гибели любимой дочери народа. Но мы гордимся Вами, родившей и вырастившей такую дочь. Светлая память о Зое не померкнет никогда.

Лучшим памятником для Зои будет уничтожение всех до единого тех, кто пробрался на нашу землю в качестве ее оккупантов. Смерть немецким оккупантам! Для Вас, дорогая мать, это время будет счастливым днем — днем возмездия за убитую дочь. Не унывайте, крепитесь и знайте: мы отомстим. С нами великий полководец товарищ Сталин!

С товарищеским боевым приветом к Вам. Крепко жмем руку. По поручению личного состава подписали:

Техник-интендант 1-го ранга Г. И. Гольдин, капитан С. А. Демин, старшина А. М. Ананченко, воентехник 1-го ранга Б. Я. Паламарчук.

Черноморский флот.

ДОРОГАЯ ЛЮБОВЬ ТИМОФЕЕВНА!

Горячий комсомольский привет шлют Вам с Урала комсомольцы и ученики 10-го класса «А» 38-й школы города Свердловска.

С большим волнением читал каждый из нас

Мать Зои, Любовь Тимофеевна Космодемьянская.

о геройском подвиге Вашей дочери и нашей подруги по школе и по комсомолу.

Помещенные в газете статьи о Зое мы перечитывали в классе. И нас вновь охватывало волнение, радость за то, что в наших рядах растут такие комсомольцы, как Зоя, чувство глубокой ненависти к презренным фашистам, потерявшим человеческий облик, и много других чувств, которые нельзя передать на бумаге.

У многих выступали слезы на глазах, но перед нами вновь вставал образ Зои и воспоминание о том, что она не выносила слез. После читки статей в классе долго стояла глубокая тишина. Даже домой никого не тянуло.

Образ Зои и сейчас не дает нам покоя. Ее подвиг зовет вперед, заставляет действовать. Все свои поступки мы теперь невольно сравниваем с героическими поступками «Тани».

Зоя защищала нашу любимую Москву на фронте, мы же находимся в глубоком тылу, но фронт и действия на фронте нам очень близки. Каждый из нас готовится заменить наших бойцов на фронте. Наши девушки сдали на «отлично» экзамены на звание сандружинниц, наши юноши изучают военное дело. Все мы изучаем трактор, чтобы весной заменить ушедших на фронт колхозников.

Наш класс почти полностью комсомольский, а сейчас заявления о приеме в комсомол подают наши лучшие товарищи некомсомольцы.

Скоро мы кончим десятый класс, сдадим все испытания и пойдем работать в колхозы, на заводы, на фабрики, в госпитали, а не-

которые из нас попадут и на фронт. Мы хотим работать так, чтобы быть достойными стать в одном ряду с Зоей, Героем Гастелло и другими, самыми лучшими и самыми близкими, хотя мы их и ни разу не видели, друзьями.

Мы приложим все силы к тому, чтобы восполнить ряды комсомола, из которого героическая смерть забрала очень многих. Даем вам обязательство учиться и работать так, как это делала Ваша и наша Зоя.

Образ Зои будет всегда стоять перед нами, вести нас к героическим делам.

Предсмертные слова Зои уже сбылись. Каждый из нас готов стать на ее место. Лишь одна такая девушка, как Зоя, окрылила тысячи и миллионы других.

Мы непобедимы!

Пусть знают фашисты, что они просчитались во всех своих планах. Обещаем Вам всегда и во всем следовать примеру Зои. Заверяем Вас в том, что приложим все силы, чтобы стать в один ряд с Вашей дочерью и получить право называться ее друзьями.

Подруги и друзья Вашей Зои, ученики 10-го класса «А» 38-й школы г. Свердловска: Нина Болотникова, Паня Шабалина, Нина Шаклина, Лена Закуло и другие.

МЫ ОТОМСТИМ!

В душе клокочет, и сердце бьется, напрягаются мускулы, и мы в один голос произносим: «Отомстим!»

Это голос гвардейцев-танкистов!

Читаем строки газетного материала о Зое («Таня») Космодемьянской, о честных и благородных поступках патриотки нашей родины, и слезы невольно появляются на глазах: слезы обиды, слезы, призывающие к мщению.

Кровожадные псы жаждут нашей крови и смерти.

Они применяют самые гнусные меры к гражданам оккупированных районов нашей родины, они насилуют, сжигают, расстреливают и убивают, грабят и издеваются над народами нашей страны, юношами и девушками, старыми и малыми.

Фашистские людоеды хотят отнять у нас честь, свободу и независимость, закабалить наш свободолобивый народ в тисках голода, регресса и нищеты.

Нет, мама, нет, родина, мы — молодежь, воспитанная партией Ленина — Сталина, не позволим сделать этого. Для нас лозунг один: «Смерть или победа!»

В битвах с гитлеровскими головорезами мы заслужили почетное звание гвардейцев-танкистов.

13 тысяч фашистских вояк оставили свои кости на русской земле, 77 фашистских танков превратились в обломки металла, 69 орудий навсегда замолкли, 166 пулеметов прекратили свою соловьиную трель — вот наш неполный отчет и короткий итог, служащий ответом родине.

Великий полководец Страны Советов товарищ Сталин призвал нас:

«Истребить всех немцев до единого, пробравшихся на территорию нашей родины в качестве ее оккупантов».

Мы эту задачу с честью выполняем. Наши стальные кони всегда на-чеку и постоянно готовы к бою.

Только в 1 ОТБ 69 человек пополнили славную плеяду героев-орденоносцев.

Имена Фоменкова, Мурдашева, Тимофеева, Фомина, Кульпевич, Олешко, Кротова и многих других стали близкими и родными именами для бойцов, командиров и политработников части и вне ее.

Наш народ любит свою родину.

Десятки тысяч патриотов вписали в книгу борьбы с коварным врагом прогрессивного человечества страницы героики, мужества и отваги.

Пройдут годы и десятки лет, но Зоя и многие другие сыновья и дочери родины будут жить в сердцах сотен и тысяч счастливых граждан Страны социализма под теплыми лучами Сталинской Конституции.

Зоя и многие наши лучшие друзья погибли. Нет больше их с нами. Но о них долго будет помнить советский народ, о них будут петь народные сказители; имя юной героини — советской девушки Зои — станет символом мужества, бесстрашия, безграничной любви к своей родине.

«Немецкие захватчики хотят иметь истребительную войну с народами СССР. Что же, если немцы хотят иметь истребительную войну, они её получают» (Сталин).

Дни проходят. Придет время, и Белоруссия, Украина, Литва, Латвия, Эстония и Карелия станут вновь свободными.

Алое гвардейское знамя несут в своих крепких руках танкисты на запад.

Смерть немецким оккупантам!

За родину, за Сталина — вперед!

По поручению бойцов, командиров и политработников 1-го отд. танкового батальона: командир батальона орденосец капитан Лучшев И. И., военком батальона орденосец Акимов И. В., отсекр КСМ бюро орденосец заместитель политрука Марцев, старший сержант дважды орденосец Фоменков, заместитель политрука дважды орденосец Тимофеев, командир танка орденосец лейтенант Бекетов и др.

27 февраля 1942 г.
Действующая армия.

ЗДРАВСТВУЙТЕ, ДОРОГАЯ ЛЮБОВЬ ТИМОФЕЕВНА!

Прочитали в газете о героическом подвиге Вашей дочери Зои, патриотки нашей замечательной родины. Она, погибая герцем от зверских рук палачей-людоедов, призвала всю молодежь на защиту нашей родины, для уничтожения фашизма — врага всего человечества.

Любовь Тимофеевна, вы потеряли единственную дочь, которая умерла за народ и родину. Вы не огорчайтесь. Вы не одиноки, у нас еще тысячи таких девушек, как Зоя, которых вырастила и воспитала родина-мать. Ее подвиг героизма служит для нас примером и останется в памяти каждого из нас. Мы ее не забудем. Память о ней будет переходить из года в год, из столетия в столетие.

Мы, девушки-дальневосточницы, очень далеко находимся от фронта, но в наших

сердцах такая же ненависть к озверелым гитлеровским собакам, которым подходит гибель. Мы, овладев мужскими профессиями, заменяем ушедших на фронт. Этим самым мы приближаем час расплаты за все, что они творили на нашей земле. Отомстят за наших матерей, сестер, братьев, отцов и любимую Зою наши отважные воины.

Любовь Тимофеевна, каждая из нас готова так же умереть героем за свою родину-мать, как Зоя. Мы ее не забудем! Мы будем такими, как Зоя.

С дружеским приветом:

Мария Руж — дежурная по станции
Архар Д. В. ж.д., Елена Веретенко —
техконтрщик, Ольга Коробка — тех-
контрщик, Мария Крешик — агент,
Елена Антипина — конторщица, Уль-
яна Крупейсенко.

Хабаровский край Амурской области, ст. Архар.

ЛЮБОВЬ ТИМОФЕЕВНА!

Хочется от всей души написать Вам, воспитавшей, взрастившей героиню-дочь Зою, несколько строк, которые, возможно, придадут Вам некоторое лишнее волнение, но я не могу тоже писать эти строки без волнения.

Я прочитала в «Правде» от 27/II с. г. статью «Таня» и долго думала, кто же она? Я не спала целыми ночами... Потом снова статья, и я все узнала. Я по несколько раз перечитывала статьи, с каждым разом гневом и мстью наполнялась моя грудь к этим кровососам — гитлеровской банде! Кулаки мои сжимались, я хотела кричать. Я выбегала из сво-

его рабочего кабинета и каждого попавшегося человека я тащила к себе и прочитывала вслух все о Тане. У каждого были слезы на глазах, кулаки сжимались, люди быстро выходили со словами и мыслями: «Я своим трудом для фронта отомщу за Таню!»

И наши трудящиеся — колхозники, учителя, школьники, рабочие — присылали подарки в честь 24-й годовщины Красной Армии. Свыше девяти тонн отправил Малоपुरгинский район (Удм. АССР) подарков на фронт, где было мясо, мед, яйца, пряники и т. д.

Дорогая Любовь Тимофеевна, знайте, что, если Ваша девочка Зоя погибла, на ее место встанут миллионы и отомстят за все: за убитых детей, за кровь и слезы невинных девушек, женщин, стариков! Пусть будут трижды прокляты эти псы и гады! Придет время, и чертополохом порастут ямы, куда будут свалены их вонючие кости.

Любовь Тимофеевна, хотя Вы и потеряли самое дорогое для Вас — дитя родное, но с вами вся страна, все от стара до мала! Каждый из нас повторяет везде крылатые слова нашей Зои: «Нас двести миллионов, всех не переведаете...» Да, нас двести миллионов! Мы отомстим за Зою — незнакомую, но близкую, родную. Каждый на своем посту будет мстить им, гадам!

К этому зовет нас мужественный образ юной советской героини, бесстрашно сражавшейся с немецкими извергами, девушки-героини, которая прямо смотрела в глаза смерти. Любовь к родине оказалась сильнее смерти.

Она умерла с пламенными словами о родине на устах. Ее борьба и смерть будут

примером для всей нашей молодежи всех поколений.

Пройдут годы, века, а Зою будут помнить все поколения всех веков грядущих. Они будут учиться ее бесстрашию.

Зоя с нами в тылу, у станка, на колхозных полях, в учреждениях, школах! Зоя в сердце каждого из нас. Зоя умерла под жестокими пытками, но она бессмертна. Ее славе — вечная память в моем сердце, в сердце каждого советского гражданина. Это богатырь земли русской — Зоя.

...Уж враг отступает пред нашим полком,
Какое блаженство быть храбрым бойцом!

Не плачьте и не унывайте, мать героини земли русской.

Мы с Вами, мы Вам поможем, мы перенесем все горе и невзгоды вместе с Вами...

Слава матери, родившей такую дочь! Слава советскому учительству, воспитавшему таких патриотов-героев, как Зоя!

Бессмертная слава героям Отечественной войны!

С коммунистическим приветом

Горбатовская Мария Кузьми-
нична, учительница, награжденная медалью
«За трудовую доблесть».

Удм. АССР, Малопургинский район.

ДОРОГАЯ НАША МАМА ЛЮБОВЬ ТИМОФЕЕВНА!

Мы, комсомольцы Сталиногорского химкомбината, сердечно рады увидеть Вас и побеседовать с Вами! Несколько раз мы слышали

Ваш голос по радио. Он был нам родным и близким, и роднило нас с Вами наше общее дело, наша общая любовь к Вашей дочери — нашей сестре Зое, нашей героине, нашей партизанке Тане.

Кто не знает ее — простую и скромную, верную дочь народа с пламенным сердцем бойца, с честной душой молодого патриота родины, воспитанного ленинско-сталинским комсомолом?

Кто забудет ее героизм и мужество, проявленные в борьбе с фашистами?

Нет! не найдется таких людей в наших рядах!

Непоколебимая в трудностях, упорная в достижении цели, беззаветно преданная родине, нашему отцу Сталину, всегда стоит и будет стоять она перед нами и звать нас в бой, звать к победе.

Ее голос — голос чести народа, ее совесть — совесть нашего поколения, ее кровь — наша комсомольская кровь, ее ненависть к врагу — наша ненависть.

И мы благодарим Вас за воспитание нашей сестры Зои, благодарим и заверяем, что Зоя будет жить в сердцах миллионов девушек нашей родины. Многие из девушек нашей страны встали на ее путь, подражают ей, борются, как бодолась она, ненавидят, как ненавидела она. Миллионы ее сестер, наших советских девушек, продолжают ее дело — дело борьбы с врагом.

Пусть злобный враг вырвал ее из наших рядов, пролил ее горячую кровь, — мы отмстим за нее палачам!

Мы боремся изо дня в день у станков и аппаратов, мы будем бороться еще лучше завтра. Мы ненавидим врага сегодня, — завтра будем еще больше ненавидеть!

Дорогая наша мама, мы гордимся и Вами и Вашей дочерью. Она сумела полно и ярко выразить свою комсомольскую душу — ценою крови своей, ценою молодой своей жизни.

Мы клянемся быть достойными сестрами и братьями Зои!

Шутова, Шарова, Исаева, Борисова, Жорина, Нечаева и др. (всего 43 подписи).

УВАЖАЕМАЯ ЛЮБОВЬ ТИМОФЕЕВНА!

Разрешите выразить Вам свое искреннее соболезнование по случаю героической смерти Вашей дочери. Вы потеряли дочь, мы же в лице Зои потеряли бойца. Вот почему я вместе с Вами скорблю о смерти героя. Но разве только я? Вместе с Вами скорбит вся армия, весь наш великий народ.

Я никогда не встречался с Вашей Зоей, но ее портрет, вырезанный из газеты, я ношу вместе с портретами своих близких и родных.

Зоя не знала меня, но мы ее знаем. И память о ней никогда не изгладится в нашем сознании.

Сейчас я нахожусь на Юго-западном фронте и эти строки пишу под гул канонады. Это наши артиллеристы мстят за разрушенные села и города, за насилия и убийства, за слезы наших матерей, — это они мстят за смерть Вашей Зои. Через несколько минут мы пойдем

в атаку и будем мстить за все, отомстим и за Зою.

Не печальтесь, уважаемая Любовь Тимофеевна. Ваша дочь была великим борцом за правое дело. Она погибла во имя того, чтобы миллионы жили в счастье и безопасности. Ее героизм никогда не будет забыт народом, а ее имя переживет века.

Политрук Ф. Селедцов.

Действующая армия.

ДОРОГАЯ ЛЮБОВЬ ТИМОФЕЕВНА!

Ваше материнское горе неизмеримо. В трудные минуты Зоя поддерживала Вас словом. Пусть теперь ее последние слова: «Со слезами меня провожать не надо» — подкрепят Ваши силы.

Ваша дочь — герой. Ее воспитали Вы совместно с нашей партией. Честь и слава Вам, что Зоя была и осталась до конца преданной своей родине, своему народу и великому Сталину. Она честно сложила голову в борьбе с варварами человечества, с мерзавцами, слепавшими миллионы людей несчастными. Комсомол, наш великий народ не забудут свою дочь и товарища.

Нас тоже воспитал комсомол. Весть о смерти Зои залегла черной чертой в сердце каждого комсомольца.

Тяжела эта потеря для комсомола. Будьте мужественны, — недостойны эти людоеды видеть Ваши слезы. Этим их не удостила и Зоя.

Пишу письмо Вам вместе с своей подругой

Полинькой. Находимся мы в Действующей армии. Приходится видеть все новые злодеяния немецких ублюдков. Разве можно не говорить о мести?!

Мои братья тоже в армии. Если они живы, то, идя в бой, не раз скажут: «Это вам, гады, за Зою, за ваши злодеяния!»

Нам доверили великую честь — сохранять жизнь раненых бойцов. Мы прилагаем все силы, чтобы оказать бойцу первую помощь, чтобы он как можно быстрее вернулся в строй и продолжал бить ненавистных варваров-людоедов.

Просто еще человечество не создало таких слов, чтобы мы могли полностью выразить свой гнев.

Ну, дорогая Любовь Тимофеевна, пока все.

Пишем Вам письмо, чтобы напомнить, что Ваше горе разделяет весь народ.

Будьте здоровы!

Пишите нам.

С комсомольским приветом

Тамара Ганева и Поля Шлейфман.

Действующая армия.

ДОРОГАЯ Л. Т. КОСМОДЕМЬЯНСКАЯ

Я пишу это письмо Вам, человеку, которого постигло большое, страшное горе. Но не только Вас, — оно постигло всех нас, кому дороги интересы нашей родины.

Ваша дочь для всех нас будет служить неиссякаемым источником силы, энергии, мужества и героизма, символом величия, отваги

и бесстрашия. Ее славный, незабываемый светлый образ, ее проникновенные горячей любовью к своей родине, к своему народу предсмертные слова призывают нас к священной мести.

Когда я читал материалы, опубликованные в центральной печати о героической смерти Зои и Ваше выступление по радио, несмотря на всю свою крепость, не мог сдержать слез. Мне до боли жалко вашу дочь, принявшую из рук врага столь страшную, мучительную смерть; мне жалко Вас — мать народного героя, навсегда потерявшую свое дитя, такую славную, прекрасную, бесстрашную дочь.

Я многократно прерывал чтение и всматривался в портрет Зои, напечатанный в «Правде». Сердце сжималось от боли. Какая она маленькая, мужественная, Ваша дочурка. Какой прямолинейный светлый ее образ, какие открытые красивые глаза.

У нее было большое, горячее сердце. Она любила свою родину, свой народ, и эта патриотическая любовь стала для нее превыше всего. Она пошла на войну, на защиту своего отечества, родной Москвы, на время отложила книгу, ученическую тетрадь, смело взяла в свои руки боевое оружие; она встала в шеренги народных мстителей, не знающих страха. Она пала смертью храбрых, навеки прославив себя и наш народ своей героической борьбой. Она, славная дочь бессмертного народа, — бессмертна. Слава о ней войдет в века.

Любовь Тимофеевна, я разделяю с вами Ваше горе, я понимаю его. Я буду принимать все, что в моих силах, для скорейшего разгро-

ма врага. Наша часть стоит в глубоком тылу. Мы готовимся быть на передовых позициях. Мы отомстим проклятым врагам за Вашу дочь.

Прошу вас — сможете, пошлите мне фотокарточку Зои. У меня нет детей, но они рано или поздно будут, и я буду их воспитывать такими же бесстрашными, как Ваша дочь. Я покажу им фотографию Зои и расскажу о ее благородных подвигах.

Вечная память народной героине — Зое Космодемьянской. Пускай наши писатели напишут о ее жизни, борьбе и смерти захватывающую, волнующую книгу, которая бы поднимала советского читателя, вдохновляла его на примерах героизма и бесстрашия комсомолки Зои на новые величественные подвиги во имя своей славной родины.

Г. Д. Цареградский.

Башкирская АССР, ст. Гусиное озеро.

МАТЕРИ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ЗОИ КОСМОДЕМЬЯНСКОЙ

Вам, матери Зои Космодемьянской, пишет письмо из Действующей армии рядовой красноармеец (по национальности армянин, из Нагорного Карабаха Аз. ССР).

Я читал в газетах «Правда» и «Комсомольская правда» о героических подвигах Вашей Зои. Сейчас у меня в тетрадях переписано все, что было напечатано про Зою. Что было написано про нее, я читал несколько раз, вырезал из газет ее фотографии, очерки, статьи, так же как и Ваше выступление по радио, и отправил своим товарищам.

Почему мне хотелось это сделать? Да лишь потому, что я чувствовал, как она боролась с немцами, как она относилась к родине, к комсомолу, к Сталину.

Почему я вырезал эти очерки и отправил своим товарищам, когда они имеют вполне возможность получать газету и читать ее?

Потому, что мои товарищи не видели таких страшных дней.

Вас, Любовь Тимофеевна, уважает каждый комсомолец. Когда я читаю про Зою, что она была такая чудесная, мужественная комсомолка, я представляю себе, что еще очень мало сделал перед родиной.

Сам в армии с 1939 года. В Финляндии два раза был ранен и сегодня снова воюю с проклятыми немцами, но мне еще не пришлось такое испытание, какое видела Зоя. И я не знал, когда попадешь в руки к врагу, как себя вести, как можно отвечать на вопросы.

В Зое я вижу все. Она даже с виселицы словами ударила немцев. Эти слова не простые. Они будут жить и у меня и у врага.

Правду сказать, я по радио не слышал Ваш голос, и в этот раз газеты поздно поступили на передовую, но у меня самые свежие новости сегодня — это подвиг Зои.

Фашистские проклятые изуверы сегодня видят, что у нас не одна Зоя, что они двести миллионов не перевешают. Они чувствуют, какое преступление совершили над советской комсомолкой, над партизанкой.

Враг еще силен, он только ранен. Но ему мы не дадим времени лечиться, будем бить и за Зою.

А если нам и придется попасть в руки врага, мы будем вспоминать Зою и будем умирать так, как Зоя.

Гордитесь, советская мать, у нас Зоя не одна. Зоя живет с нами в наших рядах.

С приветом

красноармеец комсомолец

Абгар Даниэлян.

Действующая армия.

ДОРОГАЯ ЛЮБОВЬ ТИМОФЕЕВНА!

В канун 25-й годовщины ВЛКСМ мы, комсомольцы соединения генерал-лейтенанта тов. Глуздовского, хотим рассказать Вам, как мы истребляем гитлеровских бандитов, палачей, убийц нашей любимой Зои.

Вот уже скоро три месяца, как на автостраде Москва—Минск идут жестокие бои с немецкими захватчиками. Эту автостраду мы сделали дорогой смерти для тысяч и тысяч немецких захватчиков.

В начале августа гитлеровцы бросили сюда из Франции свежую дивизию, насчитывавшую 16 тысяч солдат и офицеров, вооруженных самым усовершенствованным оружием. Прошло всего лишь полтора месяца, и эта дивизия была полностью уничтожена нами.

На смену ей гитлеровцы бросили танково-гренадерскую дивизию в 12 тысяч солдат и офицеров, воевавших в Голландии, Бельгии, Франции; с первых дней войны эта дивизия находилась на советско-германском фронте. Это была отборная гитлеровская воинская часть. Прошло немного времени, и гитлеров-

ских гренадеров постигла та же участь — дивизия потеряла большую часть своих людей, была разгромлена.

Погибли на этой дороге и 246-я пехотная дивизия, 62-я пехотная дивизия и несколько других фашистских частей. А три недели тому назад на этой дороге перед нами оказалась 197-я пехотная дивизия, та самая, офицеры и солдаты которой в ноябре 1941 года замучили бессмертную Зою.

Доблестные части нашей Красной Армии давно открыли счет мести: 197-я дивизия убийц еще до встречи с нами похоронила за два года войны 15 тысяч своих солдат и офицеров. Когда мы встретились с этой дивизией, в ней было около 5 тысяч человек, а сейчас, к 27 октября, более чем $\frac{4}{5}$ из них уже уничтожены нами. 21 октября сотни орудий и десятки самолетов обрушили на убийц Зои тысячи снарядов и бомб. Мало кто из фашистских палачей уцелел от этого огня.

В этих боях наши комсомольцы проявили не раз самоотверженность, бесстрашие, героизм и воинское умение — обо всем не напишешь. Но несколько примеров того, как дерутся сыны ленинского комсомола, мы хотим привести Вам в этом письме.

Подразделение капитана Морозова должно было взять деревню Ермак. Путь к деревне преградил замаскированный вражеский пулемет. Яростный ливень огня пришил бойцов к земле, не позволяя никому поднять голову. Тогда молодой комсомолец, один из героев боев за Смоленск, Степан Головка, сказал товарищам: «Пусть я погибну, но вы пройдете вперед!» Степан пополз к вражескому пуле-

Брат Зои, танкист гвардии лейтенант
Александр Космодемьянский

мету. Пуля пронзила ему руку, но он полз дальше. Когда до пулемета осталось 10—15 метров, Головко поднялся во весь рост и весь огонь вражеского пулемета принял на себя. Будучи смертельно ранен, он успел бросить гранату и уничтожить фашистского пулеметчика вместе с его пулеметом. Путь к деревне был очищен. Деревня была взята. Пожертвовав своей жизнью ради спасения жизни своих товарищей, ради выполнения боевого приказа, комсомолец Головко навеки прославил свое имя.

Комсорг батальона лейтенант тов. Павлов в трудную минуту, когда батальон был окружен немцами, а командир выбыл из строя, принял на себя командование. Восемь вражеских атак отбил Павлов со своими бойцами за день, уничтожил свыше ста фашистов, подбил один тяжелый танк, а ночью с боем вывел своих людей из окружения. В этих боях Павлов был четыре раза ранен, но свой боевой пост не покидал.

Вместе с нами в рядах нашего соединения сражается и мстит за Зою Ваш сын и брат Зои танкист-гвардеец лейтенант Космодемьянский. В последних боях экипаж танка «КВ», руководимый Вашим сыном, сражался в первых рядах, расстреливая и давя гусеницами убежавших фрицев. Около тридцати гитлеровцев нашли свою смерть от танка Вашего сына. Танк подорвался на mine, но это не остановило мужественных танкистов, они продолжали вести огонь с места, поддерживая наступление нашей пехоты. Вместе с ремонтниками экипаж быстро восстановил машину, и они снова грозной тучей понеслись на гит-

леровцев, сея вокруг себя смерть палачам и убийцам Зои.

Снайперы-комсомольцы нашего соединения старшие сержанты Юдин и Бикчанов вдвоем истребили 320 фашистов, то есть целый батальон. За последние два месяца боев свыше двух тысяч наших комсомольцев получили высокие правительственные награды.

Наша ненависть к врагу возросла еще больше, когда мы узнали, что перед нами непосредственные участники убийства Зои. Эти палачи не имеют права на жизнь, и ни один из них не уйдет от расплаты. Остатки этой банды еще сопротивляются, но близок, очень близок час, когда мы добьем последнего из них. Бессмертный подвиг Зои служит нам примером в борьбе. Смерть Зои зовет нас к неустанной грозной мести. Мы обещаем Вам до конца довести счет нашей святой мести за нашу Зою, за нашу великую родину.

Желаем Вам, Любовь Тимофеевна, сил, энергии и жизни на долгие годы.

По поручению комсомольцев подписали:

Гвардии майор Снятков, капитан Сорокопуд, лейтенант Янковский, красноармеец Ложилова, красноармеец Смирнов, лейтенант Лещенко, старший сержант Бизюков, красноармеец Бридин.

Действующая армия.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>П. Лидов.</i> Таңа	5
<i>Александр Довженко.</i> Смотрите, люди!	22
<i>П. Лидов.</i> Пять немецких фотографий	25
Слово матери	35

МЫ ОТОМСТИМ ЗА ТЕБЯ, ЗОЯ!

Письма к матери Зои Космодемьянской	39
---	----

Редактор М. Тюрин

Подписано к печати 6/XII 1943. Л91421. 2 п. л. 53 280 зн. в печ. л.
2,6 уч.-изд. л. Тираж 50 000 экз. Зак. 1866. Цена 75 коп.

Ф-ка юношеской книги изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
Москва, ул. Фридриха Энгельса, 46.

